

Под солнцем дружбы.

КРОКОДИЛ

В вихре вальса все плывет...

Рисунок Ю. СМЕРНОВА.

Когда молодежь смеется

В мире было довольно шумно, когда молодежь собралась на свой Шестой фестиваль. Звуки песен и музыки раздражали слух пастырей золотого тельца.

— Слышали? — сердито спрашивал своего секретаря босс солидной фирмы, делающей погоду не только на бирже, но и в политике.

— Вы говорите о последнем взрыве водородной бомбы? — спешил догадаться секретарь.

— Что бомба! Вы уже поздравляли меня с этим взрывом. Тут творятся кошмарные вещи, а вы с бомбой... В Москве поют, смеются...

Пресса реакции подняла такой крик по поводу фестиваля, словно от звуков песен о мире и дружбе должны немедленно рухнуть все банки Уолл-стрит.

Это традиционный крик. Он сопутствует каж-

дому фестивалю. Когда проходил фестиваль в Берлине, американские стратеги от политики решили изготовить свой эрзац-фестиваль. Была пущена широковетательная реклама о том, что на горе Лорелей с дозволения оккупационных властей западных держав открывается развеселое зрелище. Будут играть несколько джазов. Будет лотерея. Будут танцы... Скоро, однако, стало ясно, что эрзац-фестиваль проваливается. Тогда газета «Нью-Йорк геральд трибюн» гордо объявила: «Слет на горе Лорелей занимает второе место после Берлинского фестиваля».

Молодежь, съехавшаяся в Берлин, долго хотала, читая это сообщение. А один участник фестиваля — юноша-негр — сказал:

— По поводу этого сообщения можно толь-

ко заметить, что если бы на каком-нибудь необитаемом острове поселились слон и мышь, то мышь вполне могла бы выдавать себя за второго по размеру зверя.

Слет на горе Лорелей провалился. Гора Лорелей и в самом деле родила мышь.

Высказывание остроумного молодого негра попало в прогрессивную прессу. Молодежь смеялась. Устроителям контрфестиваля было не до смеха. Они с удовольствием устроили бы зрелище, дорогое их сердцу, — линчевание дерзкого негра. Но в том-то и было самое страшное, что в звуках фестиваля слышалось то новое, которое покончит с судами Линча, как и со многим другим, чему пора умирать...

Но вот сегодня опять шумят наемные витии о том, что фестиваль — это-де «коммунистическая пропаганда». И этот шум наводит на здравые мысли даже самых наивных и доверчивых людей. Они начинают рассуждать так:

— Все, чего хотят участники фестиваля, — это мир и дружба. Почему же пресса монополий так боится лозунга мира и дружбы? Уж не потому ли, что она боится самого мира, самой дружбы?

Простые телеграфные сообщения обрушиваются на врагов мира, как тяжелые удары. Японская молодежь привезла на фестиваль песни и танцы своей родины. Ну разве это не тревожный сигнал для тех, кто считает, что японцы должны танцевать и петь только под дудку американских «благотетелей»?

Молодежь западной и восточной частей Германии идет в одной колонне. Разве это не крамола? Чего доброго, и взрослые немцы захотят сами решать свои дела вопреки американским генералам и политикам.

В одном старом французском стихотворении говорится, что если бы юноши всего мира взяли за руки, то это был бы хордовод вокруг всего земного шара. Автор этих строк был, конечно, далек от «коммунистической пропаганды». Но того, о чем он писал, и боялся враги фестиваля. Они хотят не хорвода дружбы, а хорвода смерти. Они хотят, чтобы руки юношей были заняты не дружеским пожатием, а держали бы оружие и чтобы юноши истребляли друг друга на радость хозяевам концернов.

Смех и песни, которые доносятся с фестиваля, очень мешают этим планам. Поэтому и беснуется реакция.

Когда молодежь смеется, не по себе врагам жизни.

Рисунок Шандора Геро (Венгрия) для Крокодила.

В ЭТИ ДНИ В БУДАПЕШТЕ

— В этой компании я чувствую себя, как на фестивале...

Что такое трюк и как его найти

Некоторые иностранные газеты, особенно из тех, что не пустили своих корреспондентов в Москву на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, упрямо продолжают именовать фестиваль «хитроумным и коварным коммунистическим трюком».

Мы должны разочаровать любителей виртуозно-цирковой терминологии. Дело в том, что нет ничего проще такого «трюка». Более того, подобного рода «трюки» доступны даже любому недоброжелателю фестиваля. Причем вовсе не обязательно ехать за ними в Москву.

Мы можем охотно рассказать, как это делается.

Например, следует подойти на улице к какому-нибудь встречному-поперечному прохожему, взять его за пуговицу и спросить:

— Скажите, любезнейший, вы за что: за мир или за войну?

— За мир, конечно, — наверняка ответит тот.

Вот это уже и будет «коммунистический трюк». Хитроумный. Коварный. Коварен, собственно, сам прохожий: говорит, как «агент коммунизма», а на самом деле он, например, католик.

Могут быть «трюки» и посложнее:

— Вы как: за гонку вооружений или наоборот?

— Наоборот.

Это уже «трюк» номер два. Тоже очень хитроумный. Хитроумие здесь опять-таки в том, что прохожий говорит ни дать ни взять, как «коммунистический агитатор», хотя он «Капитал» никогда и в руки не брал.

Или вот еще «трюк». Надо подойти к деловому человеку и спросить:

— Вы за торговлю между всеми странами или против?

Как пить дать, последует ответ:

— Ясно, за торговлю. Это только некоторые департаменты против.

Вот тут и хватайте его! И тащите этого вольнодумца в соответствующую комиссию на предмет соответствующего дознания!

Ну, а молодежный фестиваль — это уж «трюк» наивысшего класса. Когда вся юность нашей планеты дружно высказывается за мир, это так коварно и хитроумно, что дальше ехать некуда! Не зря швейцарская газетка «Курье де Веньболь» назвала участников фестиваля «хитрецами»...

Таковы «коммунистические трюки». Как уже было сказано, они предельно просты и общедоступны. А вот найти «трюк» там, где им и не пахнет, — это действительно трюк!

Нет «трюков» коммунистических. Есть трюки клеветнические.

А. ВИХРЕВ

Рисунок Л. МАХБАЛА (Монгольская Народная Республика) для Крокодила.

Самый лучший фестивальный танец.

КОГДА АВТОГРАФ — ИЕРОГЛИФ...

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунок Збигнева ЗИОМЕЦКОГО (Польша) для Крокодила.

— Только, пожалуйста, пишите разборчивее...

Я сегодня к сынку своему
повернусь:

— Уезжаю в Канаду,
К обеду вернусь!

Я прохожих спрошу:

— Как проехать в Канаду!
— Вам, пожалуй, — ответят, —
И ехать не надо.
Вон дойдете до скверика —
Там и Америка!

— Как попасть во Вьетнам!
— Надо ехать десяткой!
— А в Китай!

— На метро, с пересадкой.
Много дней пароходы плывут до
Цейлона,
А я еду туда на подножке вагона.

И еще недоволен бываю:
До Азии

Ехал целых пятнадцать минут!
Безобразия!
Уезжаю в Алжир
На четвертом автобусе.
И открыт целый мир
Предо мной, как на глобусе.

«Будет к вечеру дожди!» —
Сообщают в эфире.
Это значит, что дождик пойдет
в целом мире.

По Америке горной,
По Африке плоской
Будет весело дождь барабанить
московский.

Но в столице весь мир
От дождя защищается.
Объявляется:
— Капать дождю воспрещается!

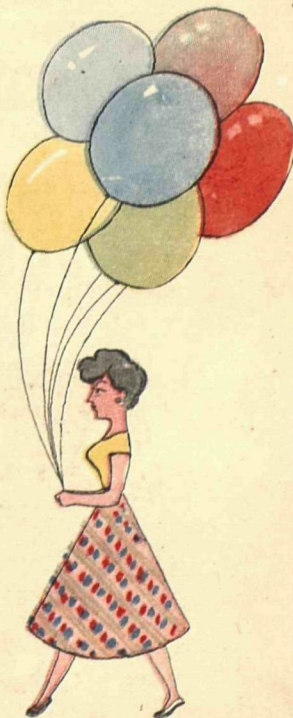
И, как в сказке волшебной,
Дождя-безобразника
Удалят вместе с тучами
С нашего праздника.

Вот такой она стала,
Москва фестивальная.
Стало близким в столице
Все самое дальнее.

И пускай расстояние
Снова растянется,
Но сердечная близость
Навечно останется!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

Кругосветное ПУТЕШЕСТВИЕ

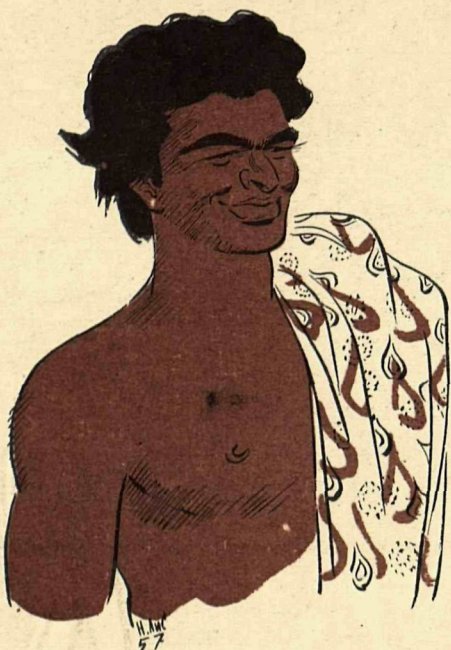

Н. ЛАБКОВСКИЙ

На фестивалах

Марио Ороско Ривера (Мексика) —
художник и певец.

Титросейна (Цейлон) —
руководитель ансамбля национального танца.

Моника Моришаль (Франция) —
модистка.

Литератор, взявшийся описать события фестиваля, подобен утлой лодчонке в море праздничных красок и человеческой сердечности, в море шуток, песен, танцев и голубиных стай. Всего не увидишь, а все, что увидишь, не запомнишь, а все, что запомнишь, не опишешь, а напишешь, не передашь даже одной тысячной того, что творится на фестивальных улицах Москвы в эти дни.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ФЕСТИВАЛЬ

Перефразируя известное изречение о том, что театр начинается с вешалки, можно сказать, что фестиваль начинается с перрона. С того незабываемого момента, когда продымленные, пропыленные в долгом пути составы подходят к московским вокзалам и из всех вагонов торчат головы — русые, черные, огненно-рыжие. Люди, высунувшись из окон по пояс, рискуя задеть семафоры, машут флажками всех наций, поют песни на всех языках, глядят в полном смысле слова «во все глаза», желая все сразу увидеть, все сразу охватить, все сразу понять, — ведь перед ними Москва!

Нет, пожалуй, не с этого начинается фестиваль! Он начинается с первой репетиции в кружке художественной самодеятельности где-нибудь в Ангарске, или в кустанайском совхозе, в украинском селе, или в горном ауле. С первого, не совсем официального собрания молодых людей в какой-нибудь далекой подмандатной черной стране, с уличных концертов в Мехико или в Рио-де-Жанейро: «Эй, сеньор, подайте пезету! Мы поем не для того, чтобы улаживать ваши уши, а для того, чтобы один из нас мог пожать руки друзьям в Москве, мог услышать, как бьются в унисон сердца под кожей любого цвета, если речь идет о мире и дружбе...»

А точнее, это все лишь увертюра перед началом.

И фестиваль все-таки начинается, когда в чашу большой спортивной арены Лужников мощным потоком вливаются знамена 122 стран, когда в небо взлетают связки воздушных шаров, несущие китайские штандарты, а нигерийские девушки исполняют экзотический танец под звуки там-тамов; когда маленький албанский горняк в белой феске торжественно бьет в тулумбас, который размером больше его самого, а венгерки так машут платками, будто над колонной пролетают голуби; когда советские люди на трибунах с одинаковым энтузиазмом встречают и тысячную польскую делегацию, превосходно оформленную художниками, и делегацию Самоа, состоящую из одного (1) человека с живым голубем в руках.

Да, скорее всего именно так начинается фестиваль...

ЗНАЧИСТЫ

На улице Горького, у подъезда гостиницы «Центральная», и совсем в другом конце Москвы, на 2-й Ярославской улице, у подъездов гостиницы «Золотой колос» и у всех других гостиниц Москвы можно встретить людей, увешанных значками с головы до ног.

Это не гипербола! У одного француза на голове была тубетейка, вся утыканная разнообразнейшими значками, а молодой мексиканец элегантно обрамил ими косые карманы своих штанов. Итальянец расположил их на отворотах рубашки, немец аккуратно

воткнул по значку в каждую дырочку на ремне фотоаппарата, молодой финн украсил значками рукава пиджака, а высоченный красавец-негр разбросал их по ярко-голубому полю своего галстука.

На Манежной площади нам повстречался юноша в широкополом сомбреро, с гитарой в руках. Он прохаживался с лукавой улыбкой на устах и пел песню, знойную, как солнце его далекой родины.

Может быть, это был один из тех парней, что просил за песню пезету у себя в Мехико или в Рио-де-Жанейро! Здесь он не просил ничего. Просто пел. Впрочем, он не отказывался от гонорара, если это был какой-нибудь красочный фестивальный сувенир. Вся грудь у него уже была в значках. Их было не менее сотни.

— Зачем вам так много значков?

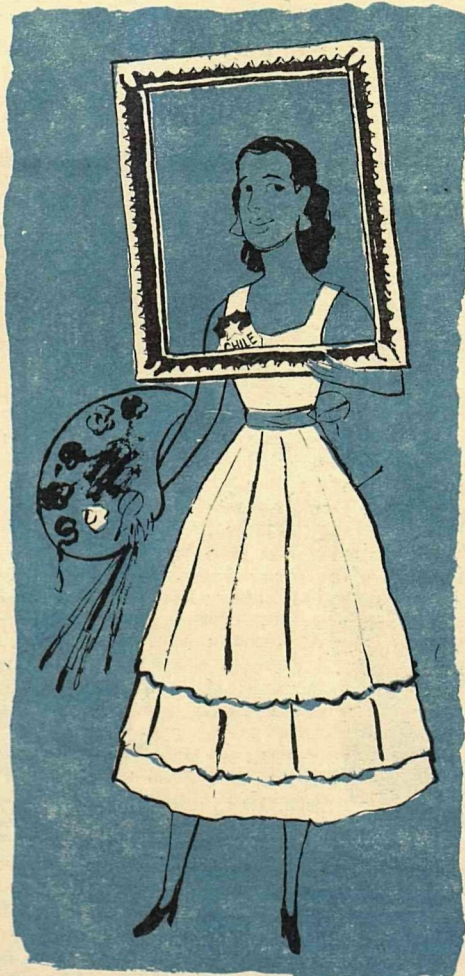
— Видите ли, — объяснил он, на миг прервав песню, — сотни моих товарищей пели на улицах для того, чтобы я один мог поехать в Москву. Эти значки я собираю для них. Пусть каждый почувствует, что и он побывал на фестивале...

У гостиницы «Центральная», облокотившись о колонну, стоял седой коренастый мужчина. Он покуривал сигарету, щурился от яркого солнца и дружелюбно кивал прохожим, которые при взгляде на него не могли удержаться от улыбки. Оба лацкана пиджака были увешаны у него значками, как орденами.

Неподалеку остановились два паренка, каждому лет по десяти, не больше.

— Смотри, Васек, это он самый и есть. Гляди, сколько у него значков! И он с кем хочешь вот просто за так меняется.

— Врешь!

Кармен Сересед (Чили) — художница.

УЛИЦАХ

Дружеские шаржи Е. ГОРОХОВА
и Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Кеннеди Калом (Шотландия) — певец.

— А вот не вру! Сам видел. Дай ему наш и выбери какой хочешь.
— А ну, пойдём.
Мальчики несмело подошли к иностранцу.
— Здравствуйте, — сказал первый, шаркнув ножкой.
— Guten morgen, — перевел второй.
— Давайте меняться, — осмелев, сказал первый и протянул значок.
Иностранец деловито его осмотрел и воткнул в лацкан своего пиджака.
— Кароший! — сказал он и предложил ребятам выбирать.
У паренёв разбежались глаза. Наконец Васек выбрал. Кое-как попрощавшись, ребята тут же ретировались, словно опасаясь, что «дядя передумает».
— Какой значок вы ему дали? — спросил я, нагнав друзей.
— Юного натуралиста!
— Так. А что вы взяли взамен?
Ребята показали. Это был значок университета в финском городе Турку...
На третий день фестиваля уже можно было безошибочно узнать наших ребят по заграничным значкам, а иностранцев — по советским...

ТРАССА ОЖИДАНИЯ

Дорога от сельскохозяйственной выставки, где расположен фестиваль, ведёт к центру по 1-й Мещанской улице. Здесь в течение целого дня толпы молодых москвичей ждут автобусов с фестивальными гостями. Всем хочется пожать друзьям руки, обменяться дружескими взглядами, приветственными улыбками. Широкие тротуары 1-й Мещанской оказались безнадежно тесны, москвичи заполнили всю проезжую часть. Автобусы и троллейбусы двигаются со скоростью пе-

шиходов. Регулировщики движения опустили руки.

У одного сержанта милиции был такой обескураженный вид, что я невольно обратился к нему со словами сочувствия:

— Что так тяжело вздыхаете, товарищ сержант?

— Да как тут не вздыхать! Сами видите, что происходит. Наши товарищи москвичи целые две недели будут посреди улицы разгуливать, привыкнут, попробуй после их на тротуар верни!..

ЦИФРЫ С ПОПРАВКАМИ

Молодой англичанин, весь увешанный фотоаппаратами, со значком «Пресса» на груди, спрашивал у переводчика:

— Сколько голубей разведено в Москве к фестивалю?

— Около двадцати пяти тысяч.

Корреспондент записал в блокнот: «Более ста тысяч».

— Сколько концертов и представлений происходит на фестивале каждый день?

— Около ста.

Корреспондент записал в блокнот: «Более пятисот».

Переводчик удивился такому преувеличению.

— Я ничуть не преувеличиваю, — серьезно сказал корреспондент. — Вы считаете двадцать пять тысяч живых голубей. А посмотрите вверх! На каждом окне минимум по десяти бумажных голубей, а сколько голубей на значках, на флагах!.. Так же и концерты! Вы считаете только те, что идут по программе. А ведь на каждой улице, на каждом перекрестке возникают стихийные концерты. Так что если хотите знать, я сильно преуменьшил... — И, подумав, он исправил: «Голубей двести тысяч, концертов... кто их сочтёт!..»

СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

После жаркого дня спускается ночная прохлада. Куранты на Кремлевской башне бьют двенадцать раз. Небо густо усыпано звездами. Луна смотрит на землю, чуть наклонившись, как бы приветствуя молодое племя Земли. В воздухе пахнет цветами, и со всех сторон, нарушая постановление Мосгорисполкома о ночной тишине, доносятся песни, гитарные переборы, мягкие звуки аккордеонов.

По Красной площади гуляют парами, группами, целыми шеренгами. Взявшись за талию, положив руки друг другу на плечи, с песней или молча, думая каждый о своем.

— Так бывает ночью после жары у нас в Калькутте...

— И у нас в Тунисе...

— У нас в Бенгази...

— В Тиране... В Одессе... В Париже...

— А у нас в Рейкьявике никогда не бывает жары, но вечера точно такие...

— А не пора ли спать? — говорит кто-то, но все на него шипают.

— Отсыпаться будем в Париже...

— В Одессе... В Тиране... В Бенгази...

— Товарищи! Это же — типичное явление лунатизма! Под влиянием лунного притяжения...

— Луна тут ни при чем! Здесь дело в звездах...

Все смотрят вверх, туда, где на шпилях башен пылают рубиновым светом пятиугольные звезды Кремля.

— Разве может спать человек, когда прямо над его головой светят эти звезды! Не на картинке, не на экране цветного кино, а наяву, над твоей головой...

И все идут дальше, провожать ночь до утра, до следующего утра фестиваля.

Тесиндер Синг (Индия) — студент.

Жанина Дибиле (Франция) — преподаватель физкультуры.

Мануэль Сантос (Австралия) — спортсмен, штангист.

КОНФУЗ

Верхоглядство — вот беда!..
 Как-то раз, в начале лета,
 Позвонил наш Лобода
 На вокзал из кабинета:
 «Пассажирский?.. Я райком.
 Дайте трубочку Одарке!»
 А ему в ответ баском
 Говорят: «Одарка в парке».
 «В парке?! Что за ерунда!
 Почему не на работе?»
 И сердитый Лобода
 Факт фиксирует в блокноте.
 Через несколько минут
 Вновь звонит — в изрядном раже:
 «А диспетчер Федя тут?»
 «Нет». «А где?» «Ушел туда же».
 «Ах, с Одаркой?! Ишь, контакт!
 Ладно... Будет им гулянье!»
 Записал и этот факт...
 А недавно на собрание
 Комсомольский наш вожак
 Разразился в полном зале.
 Речь свою он начал так:
 «Беспорядок на вокзале!..
 В два звоню, в четыре, в шесть —
 Нет ни Феди, ни Одарки.
 Что Донбасс им? Что им честь
 Всесоюзной кочегарки?
 В парке чуть не целый день
 Эта парочка гуляет:
 Пусть, мол, тот, кому не лень,
 Прить в работе проявляет!..»
 Перебив секретаря,
 Федя крикнул, возмущенный:
 «Ну чего шумишь ты зря?
 Мы ходили в парк вагонный!»
 Хохот, шедший по рядам,
 Показался хлестче грома...
 Худо, если вожакам
 Производство незнакомо!

Перевел с украинского
 Валентин КОРЧАГИН.

— Странный пациент: видит только то, что сзади!

Рисунок Збигнева КЮЛИНА (Польша)
 для Крокодила.

Ласло ТАБИ

Не только в Африке ЖАРКО

Ежедневно повторяющиеся сообщения телеграфных агентств о взрывах на Солнце, протуберанцах, различной деятельности солнечных пятен, что наблюдают в разных точках Земли прилежные астрономы, метеорологи и геофизики, сначала принимались равнодушно, но в последнее время начали решительно волновать и раздражать.

Я недостаточно компетентен в подобных вопросах. Во всей этой пятно-солнечной кампании на мою долю достается только потеть и браниться, остальное — дело ученых. Но должен признаться как нейтральный наблюдатель, что мне уже порядком надоела не только сама жара, но и объяснения ее причин.

Насколько я помню, погода была всегда. Однако нам, рядовым гражданам вроде меня, не представлялось случая заглянуть в закулисные тайны погоды, и, надо сказать, это никого не трогало. Широкие массы удовлетворялись той истиной, что «зимой холодно, а летом очень жарко» и что, «когда идет дождь, умный человек прячется под навесом». Тот, кто задавал вопрос о том, что делает ветер, когда он не дует, уже считался исследователем.

Были, конечно, сообщения о погоде и в газетах, но они всегда состояли из четырех-пяти строк (одной-двух стандартных фраз) и помещались на последней полосе. Их никто не принимал всерьез. Публика и печать одинаково обходили молчаливым достойным уважением на-

уку метеорологию, и теперь она мстит за себя.

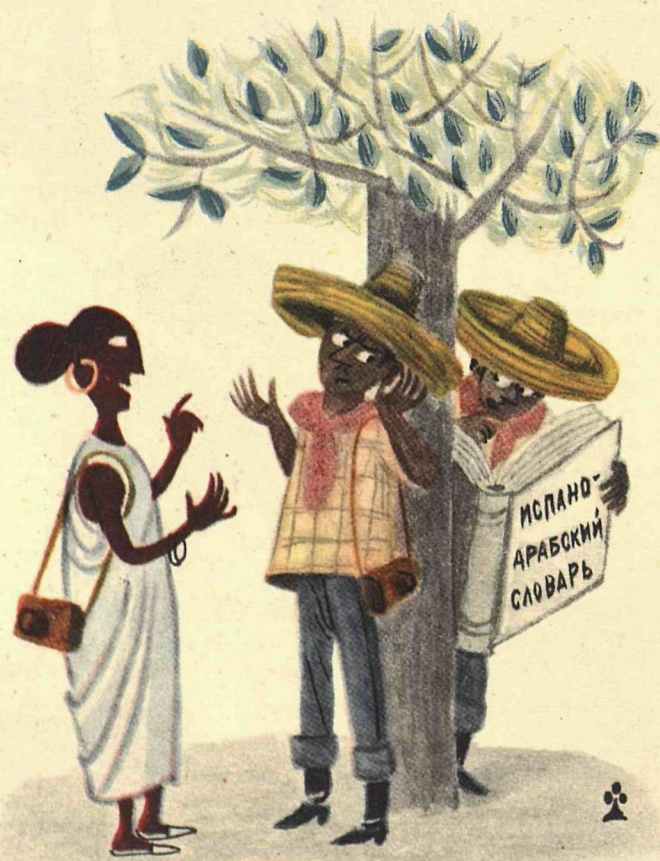
Метеорологи всего мира объединились и в драматических статьях повествуют о различных загадочных эксцессах в мировом пространстве. Уже несколько месяцев их статьи на первых полосах газет волнуют читательскую публику.

Я подозреваю — и зачем бы я стал умалчивать? — что в этом деле видна рука не только метеорологии, но и Солнца, которому, как богу, молились тысячелетиями, затем еще несколько столетий о нем спорили, правда, в астрологическом аспекте, пока, наконец, оно не вышло из моды в качестве темы для бесед. Теперь Солнце и метеорология объединились и так ловко устроили свои дела, что ими занимаются ежедневно. Уже организован геофизический год, и кто знает, что еще будет нам объявлено!

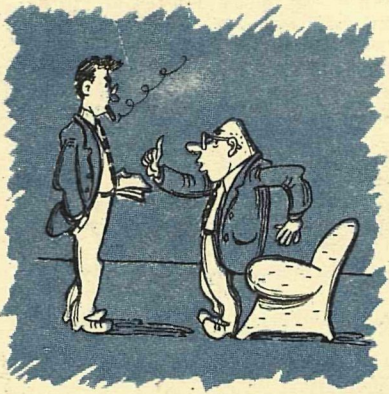
Одна наша ежедневная газета крупным заголовком сообщила: «Геофизический год начался с бурных извержений на Солнце». Я должен сказать: здорово поставлено дело! Теперь всем ясно, что метеорологи заодно с Солнцем.

А все-таки как было бы прекрасно, если б этот научно разгаданный зной как можно скорее сменился мягкой, приятной погодой, градусовой этак в двадцать! Я бы даже не возражал, если б Метеорологический институт не смог найти этому научного объяснения!

Перевела с венгерского
 Е. ТУМАРКИНА.

С СУФЛЕРОМ.

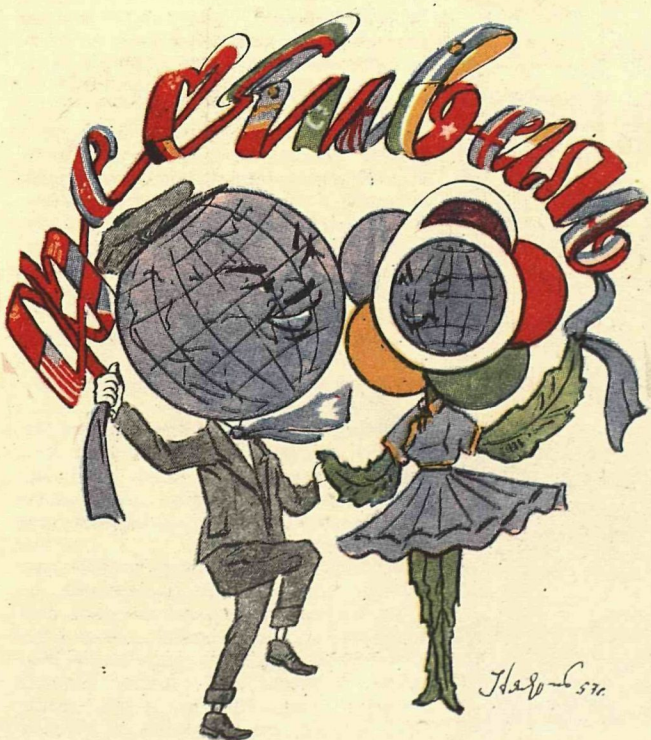
— Что вы сейчас сказали тому рабочему?
 — Я приказал ему работать быстрее.
 — Какое вы имеете право подгонять его?
 — Я плачу ему.
 — Сколько же?
 — Три фунта в день.
 — А где вы берете деньги, чтобы платить ему?
 — Продаю продукцию.
 — Кто производит ее?
 — Он.
 — Сколько он производит в день?
 — На двадцать фунтов.
 — Выходит, что не вы ему, а он вам платит семнадцать фунтов, чтобы вы болтались тут и подгоняли его!
 — Да, но ведь машины мои!
 — Неужели? А как вы их приобрели?
 — Продав продукцию и купил.
 — А кто произвел продукцию?
 — Замолчите! Он может услышать!

Из австралийской газеты «Трибюн».

— Пока не бросишь курить, я буду проветривать комнату...

Рисунок О. НЯМСУРЕНА (Монгольская Народная Республика) для Крокодила.

— Будем дружить!

Рисунок Кароя ШАНДОРА (Венгрия) для Крокодила.

ДУЭТ

ТАКОВЫ ТРАДИЦИИ

В Москву на фестиваль слетелись представители молодого поколения из самых разных стран. Они принесли на московские улицы море веселья, украсили их своими национальными костюмами. Костюмы разные. И за каждым из них быт, обычаи и традиции родной земли...

Недавно мне довелось побывать в странах далекой Латинской Америки. О некоторых обычаях и традициях южноамериканской молодежи и рассказывается в этих заметках.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ИНЖЕНЕРЫ

В столице Аргентины Буэнос-Айресе есть широкая, застроенная многоэтажными домами улица Корриентес.

Мигает, вертится, пляшет реклама. По асфальту, дочерна отполированному автомобильными шинами, движется лавина машин. На тротуарах — нарядная планирующая публика. Словом, все, как говорится, чинно и благородно...

Но что это? Где-то рядом слышится громкий задорный смех. Смех, словно волна, нарастает, приближается. Прохожие отступают перед странной процессией...

В окружении приплясывающих молодых людей появляется парень с какой-то нелепой бородой и огромными усами. Его брюки отрезаны по колено, а пиджак заляпан масляными красками. Он идет молча, как будто не обращая внимания на прохожих, и лишь изредка улыбается. Все кругом смеются.

— Это кто же? — поинтересовался я.

— Молодой инженер, выпускник университета, — пояснили мне.

Всего каких-нибудь полчаса назад этот парень был еще студентом; в волнении стоял он перед профессором инженерного факультета, сдавая свой последний экзамен. А после экзамена новоявленного инженера встретили

товарищи-студенты и торжественно повели к размазанному разными красками столбу, который стоит во дворе университета. Возле этого столба и происходит «тайнство». Коллеги по институту ножницами обрезают выпускнику брюки, мажут красками пиджак, а иногда и лицо. Какой-нибудь «парикмахер» — тоже из студентов — коротко стрижет инженера, а потом приклеивает ему остриженные волосы в виде усов и бороды.

Потом все высыпают на улицу, и начинается уже описанное веселое шествие выпускника в коротких штанишках по улицам аргентинской столицы.

Так происходит дружеское «посвящение в инженеры». Борода и усы означают, что студент стал уже взрослым, самостоятельным человеком; короткие штаны и испачканный пиджак свидетельствуют, что он остается, по существу, пока еще все тем же бесшабашным паренком. Это давняя традиция. И каждый юноша, впервые входящий в двери инженерного факультета, мечтает о том дне, когда он сможет пройти в обрезанных брюках и перемазанном пиджаке по самым фешенебельным улицам своей столицы...

Можно себе представить, как выглядела бы улица Корриентес, если б в Буэнос-Айресе было столько студентов, сколько в нашей Москве!

«ИНЧАС» НА СТАДИОНЕ...

Без ошибки можно сказать, что большинство мужского населения городов Южной Америки, и особенно молодежь, начинает свое воскресное утро так: чашечка черного кофе, бутерброд, проглоченный на ходу, а потом куда-нибудь на спортивное состязание. Либо на скачки, либо на теннис или баскетбол, а скорее всего на любимое зрелище — футбол.

«Инчас» (болельщики) чилийской столицы Сант-Яго собираются на стадион задолго до матча. Пройдя главные ворота стадиона, они бережно достают бумажные шапочки, выкрашенные в цвет любимой команды. Надев шапочку на голову, ее владелец высккивает в толпе такие же шапочки, и вскоре образуются группки единомышленников. На трибунах «инчас» в одинаковых шапочках садятся обычно вместе.

Начинается игра. Стадион напоминает развороченный улей. Если кому-нибудь показалось, что судья подсуживается, на поле летят не только неголующие возгласы, но даже и разные мелкие предметы...

— Аделянте! (Нажми!) — гудят «инчас» справа.

— Льева ла! (Веди!) — надрываются «инчас» слева.

— Тира аль арко! (Бей по воротам!) — несутся над стадионом.

Как только рев усиливается до угрожающей ноты, полицейские, разместившиеся вокруг зеленого поля плотным кольцом, поворачиваются лицом к публике и поднимают с земли толстый канат. Дело в том, что «инчас» нередко проявляют желание спуститься на поле, чтобы «поговорить по душам» либо с судьей, либо с плохо играющими футболистами...

Зато после игры страсти на минутку утихают. Все встают. Болельщики победившей команды достают белые платочки и приветственно размахивают ими над головами. Конечно, белый цвет в любых сражениях означает нечто противоположное, но ничего не поделаешь: это тоже традиция!

ПИНГ-ПОНГ И ЗАБАСТОВКА

Как раз во время нашего пребывания в Бразилии местные власти Рио-де-Жанейро под нажимом североамериканской компании «Лайт энд пауэр» повысили на 50 процентов плату за проезд на городском транспорте. Это крепко ударило по бюджету рабочих и главным образом студентов. На своих собраниях (проходящих, как правило, в кафе) студенты решили забастовать. Но как?..

Выход вскоре нашли. Причем не только остроумный, но и очень эффективный.

Из спортивных залов были извлечены и аккуратно установлены прямо на трамвайных путях... столы для игры в настольный теннис. И действительно, началась, так сказать, массовая игра в пинг-понг. Двое играют, человек тридцать смотрят. И так по всем трамвайным линиям...

— Разойдись, задавлю! — кричит вагоновожатый, высовываясь по пояс из окна трамвая.

— Попробуй!

— Задавлю!

— Подождите давить, синьор, — весело просит кто-то из студентов. — Вот закончим турнир, тогда пожалуйста!

Вожатый быстро успокаивается. А через минуту он сам уже энергично машет руками и что-то кричит, «болея» за одного из игроков...

Забастовка продолжалась несколько дней. К студентам присоединились рабочие. Власти вынуждены были отменить свое решение. Жители Рио-де-Жанейро победили.

— Как видите, — сказал мне один студент, веселый черноволосый парень, — спорт полезен даже во время забастовки. А борьба за лучшую жизнь — это, между прочим, тоже наша хорошая традиция.

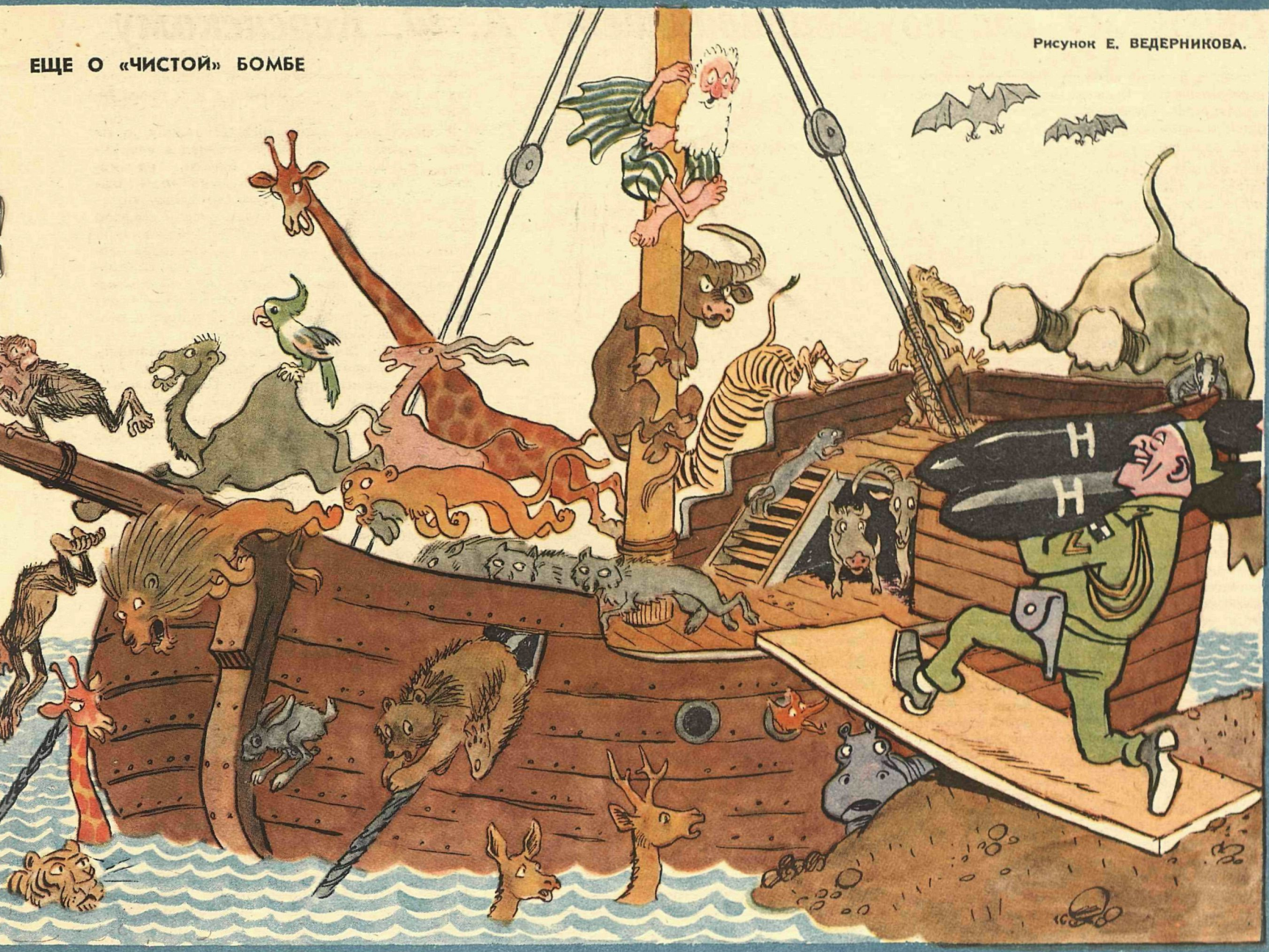
Сегодня в Москве мы, конечно, не увидим ни студента-выпускника из Буэнос-Айреса, ни разноцветных шапочек «инчас» из Сант-Яго, ни спортсменов-забастовщиков из Рио-де-Жанейро. Юноши и девушки Южной Америки, как, впрочем, и все участники фестиваля, привезли в Москву другую традицию — традицию защиты мира и дружбы между всеми народами и всеми континентами.

В РЕДАКЦИИ «НЬЮС-БРЕХ»

Рисунок ЧА ЧЖЭН-ХУА (Китай) для Крокодила.

— Что случилось с Биллом! Прислал из Москвы пленки — сплошной брак: ни одного мрачного лица!

— Мистер Ной, прихватите с собой эти штучки, по дороге мы испытаем, какие из них чистые, какие нечистые.

В субботу вечером, когда репортер приехал к министру иностранных дел, чтобы в непринужденной беседе получить материал для своей газеты, он нашел его позади курятника занятым установкой тяжелого гранатомета.

— Простите,— сказал репортер,— я только хотел попросить вас, господин министр, сделать некоторые общие замечания о международном положении. Но, кажется, я помешал...

— Нисколько. Я к вашим услугам.

Министр еще раз проверил запальный контакт и визир.

— Теперь его спальня находится под прицелом,— потирая руки, прошептал он на ухо репортеру.

— Чья спальня?

— Миллера, разумеется. Вы его, наверно, плохо знаете. Это мой сосед. Ужасно агрессивный субъект. Я вынужден день и ночь держать у его груди заряженный пистолет.

— А это не отражается на ваших взаимоотношениях?

— Увы, к сожалению! Он не желает понять, что с моей стороны все это делается в интересах

Пауль ШВАРЦ

Злой сосед

укрепления доброго соседства. Пойдемте, я вам кое-что еще покажу.

По хорошо замаскированной тропинке министр повел своего гостя к грядкам спаржи, расположенным так, что из-за них три крупнокалиберных пулемета постоянно были наведены на дверь погреба, окна подвала и собачью конуру во дворе соседа.

— Не наступите на провод,— предупредил министр,— а то все это начнет стрелять. Провода ведут в мою спальню. Стоит мне нажать на кнопку, и все предохранительные устройства начнут действовать. Кроме спальни, такие кнопки есть в библиотеке, в подвале и в столовой.

— Я восхищен вашей предусмотрительностью, господин министр,— сказал репортер.— А известны ли соседу ваши планы?

— Конечно! Но, представьте, он весьма неодобрительно отзывался о них. Вот до чего дохо-

дит его агрессивность! Пойдемте, я вам еще и не то покажу.

Они прошли мимо клумб с великолепными розами и тюльпанами — безмятежно-мирная идиллия...

— А еще,— продолжал болтать министр,— я заметил, что нередко свет в окнах кабинета Миллера горит до глубокой ночи. Несомненно, он занят разработкой своих темных планов. И вот теперь у меня готовы особые мины, которые могут разнести Миллера вдребезги.

Между тем они подошли к невысокому густому кустарнику, росшему вдоль ограды. Там, спрятанное за двумя мусорными ящиками, стояло какое-то странное устройство.

— А это как вам нравится?

— Не знаю,— пробормотал репортер.— Это что-то вроде огнетушителя?

— Совсем наоборот, дорогой мой,— засмеялся министр,— со-

всем наоборот! С помощью этого аппарата все горючие и негорючие предметы немедленно превращаются в пепел. Других соседей я снабдил такими же аппаратами. Разумеется, за некоторое вознаграждение. Миллера непременно нужно взять в кольцо, так как он очень агрессивен.

— А его агрессивность уже как-нибудь проявилась?

— Еще бы! Последнее время он лишь холодно раскланивается со мной и открыто заявляет, что предпримет контрмеры. Теперь вы видите, как необходима моя предосторожность. Но довольно об этом. Пойдемте-ка выпьем по чашке кофе и с удобствами побеседуем. Вы ведь хотели бы получить информацию для газеты?

— Если разрешите. Какова в данный момент главная цель вашей внешней политики?

— Ее можно выразить в двух словах,— сказал министр иностранных дел, подняв вверх указательный палец.— Сохранение мира!

Из сатирического журнала «Ойленшпигель» (ГДР).

Перевел В. БОЕВ.

Бывшему главноуправляющему А. Ф. Керенскому

Господин бывший министр юстиции, бывший премьер-министр, бывший верховный главнокомандующий Временного правительства, и прочая, и прочая, и прочая...

Года два назад мне попала книга в странном желто-коричневом переплете. Присмотревшись, я понял, что она переплетена в денежные знаки, выпускавшиеся летом 1917 года и называвшиеся в ту пору «керенками». Старый букинист объяснил, что лет тридцать — тридцать пять назад книги в таких переплетах попадались довольно часто.

— «Керенки», — сказал он, — выпускались большими листами. Зеленые, достоинством в сорок рублей, и желтые — в двадцать целковых. В каждом листе было по сто штук. Желтый лист стоил две тысячи рублей, а за лист хорошей оберточной бумаги надо было заплатить пять — шесть тысяч. Книгу было выгоднее переплести в «керенки».

Все это я вспомнил, увидев номера швейцарского еженедельника «Швейцер иллюстрирте цейтунг», где американский журналист Нерин Ган опубликовал запись бесед с вами.

Желая выдать себя не просто за рядового хроникера, а за мыслящую личность, Ган начал изложение беседы с «философского» вступления: «Видимо, одним из характерных признаков нашего времени является лихорадочный ход событий. Они мчатся и обрушиваются на нас, как стихийные бедствия. Эти события так же тупо стирают память о великих мирах сего, как будто бы их никогда не существовало. Примерно такое же чувство я испытал, когда сидел в викторианском салоне некогда роскошной квартиры на Парк-авеню в Нью-Йорке напротив седовласого старика, имя которого — Александр Федорович Керенский — заставляло когда-то затаивать дыхание целого мира».

В начале беседы с Ганом вы совершенно правильно изволили заметить: «Что вы от меня хотите? Моя игра окончилась уже сорок лет тому назад...»

Вы справедливо определили свою политическую деятельность в бурные дни весны и лета семнадцатого года, как игру. А ведь когда-то вы не соглашались с бывшим вашим коллегой по Временному правительству В. Д. Набоковым и даже обижались на него за то, что он написал: «С болезненным тщеславием в Керенском соединялось еще одно неприятное свойство: актерство, любовь к позе и вместе с тем ко всякой пышности и помпе. Актерство его, я помню, проявлялось даже в тесном кругу Временного правительства, где, казалось бы, оно было совершенно бесполезно и нелепо, так как все друг друга хорошо знали и обмануть не могли».

Старый немецкий генерал фон дер Гольц говорил: «Благодаря предписывает не вообразать себя Наполеоном, пока это не подтвердится на деле».

А вы себе все заранее, до побед, заготовили: походку, желтые круги, прическу, манеру разговаривать, глядя на собеседника исподлобья. Никаких побед вы так и не одержали, а входите в зал, слегка сутулясь, засунув пальцы правой руки за борт френча, вы научились, и, ничего не скажешь, получалось это у вас неплохо. Перезрелые девицы из женского батальона смерти, видя вас, доходили до визга.

Помните, как вы появились на Первом съезде рабочих и солдатских депутатов? Все делегаты были в сборе, Чхеидзе начал речь, а вас все не было. И вдруг вы показались. Все было рассчитано по минутам для того, чтобы сорвать лишний раз персональные, так сказать, аплодисменты.

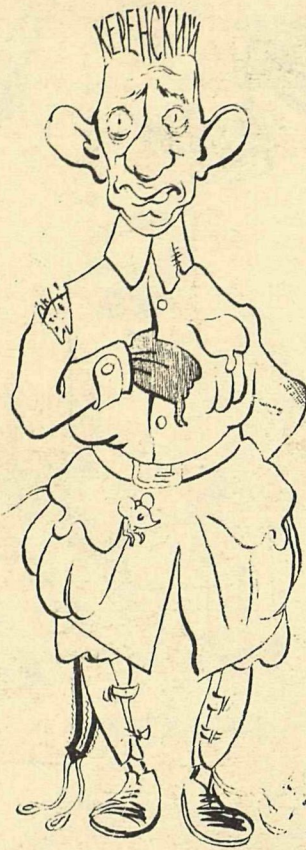

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Так что касается игры, то вы абсолютно правы. Игра была. Неудачная, но была.

Вам, наверное, известно, что политическому деятелю очень вредно выдавать желаемое за достигнутое. А вы и этим грешили.

На Московском государственном совещании вы заявили: «Наша сила в великом доверии, которое питают к нам широкие массы народа». Разрешите напомнить обстановку, в которой были произнесены ваши слова. Накануне совещания в «Социал-демократе» — газете Московского Комитета большевиков — было написано: «Пусть не работает ни один завод, пусть станет трамвай, пусть погаснет электричество, пусть окруженное тьмой будет заседать собрание мракобесов контрреволюции».

Так и случилось. Четыреста тысяч рабочих Москвы бастовало в этот день. Только луна освещала столицу. А вы что-то лепетали «о великом доверии народа».

Ган с ваших слов далее записал: «Все давно забыто, и мир забыл, что я, несмотря на социалистическую этикетку, которую пытались на меня наклеить, не был ни марксистом, ни социалистом. Напротив! Я чувствовал отвращение ко всему материалистическому учению».

Что верно, то верно. Роль социалиста вам сыграть не удалось: не хватило актерского мастерства, да и хозяева ваши, господа российские капиталисты, не позволили, сразу одернули. А сейчас вам причислять себя к сторонникам марксизма (куда уж там!), конечно, нельзя. Нельзя даже вспоминать о том, что вы когда-то с меньшевиком Церетели в одно правительство входили. Вдруг федеральное бюро расследований вас «красным» объявит! Хлопот не оберетесь. Уж лучше «чувствовать отвращение».

Вы много наговорили Гану о своих успехах в роли военного министра и о гражданских победах.

Я читал ваши хвастливые заявления, а на столе лежала книга, переплетенная в «керенки», стоившие дешевле бумаги, на которой они печатались. Пока ваше правительство наводило страну этим бумажным потоком, в Россию приехал американский сенатор Рут — интересовался русскими финансами. Затем прикатил Стивенсон — обследовал железные дороги. Вы актерствовали, а лондонские газеты всерьез писали, что три державы — Англия, Америка и Франция — ведут переговоры о разделе сфер влияния на русские дела. Америка хочет заняться железными дорогами (недаром Стивенсон приезжал!), Франция «берет заботы об армии», а Англия — о морском транспорте. Писали даже о разногласиях по этому поводу: Англия якобы хочет в придачу к морскому транспорту получить право «опекать» новую Мурманскую железную дорогу.

Известно, чем все это кончилось. Неужели вы думаете, что советские люди забыли про интервенцию?

Но иногда вы неосторожны. На один из вопросов Гана вы брякнули: «Сегодня я знаю, в чем заключалась моя ошибка. На политической арене нет чести, нет моральных устоев. В политике нет места для честных людей». Смело! Интересно, как к этому рискованному заявлению отнесутся американские политические деятели? Нехорошо, Александр Федорович, так грубо нарушать законы гостеприимства. Вы в Нью-Йорке уже не первый десяток лет живете. О вас пекутся, заботятся, а вы такие кунштюки выкидываете!

Я долго размышлял: для чего вы понадобились Гану, зачем он гальванизирует ваши политические останки? И оказалось, что вы только гарнир к очередной антисоветской стряпне, цель которой — доказать, что настоящей революцией была лишь Февральская, а Великая Октябрьская революция — это просто узурпация власти большевиками.

Вы явились лишь поводом для того, чтобы Ган смог произвести новое изумительное открытие в исторической науке. По Гану, «великая русская революция, положившая конец господству Романовых, не была делом ни анархистов, ни большевиков, вождем которых жили тогда все в эмиграции... Не левые, а представители дворянства в армии и правительстве под давлением возмущенной буржуазии решили осуществить революцию; и не солдаты-фронтовики, не крестьяне воткнули в свои пеплицы красные цветы, а великий князь Кирилл!»

Между прочим, это не новость. То же самое сорок лет назад говорили председатель последней Государственной думы Михаил Родзянко и незадачливый первый министр иностранных дел Временного правительства Павел Миллюков.

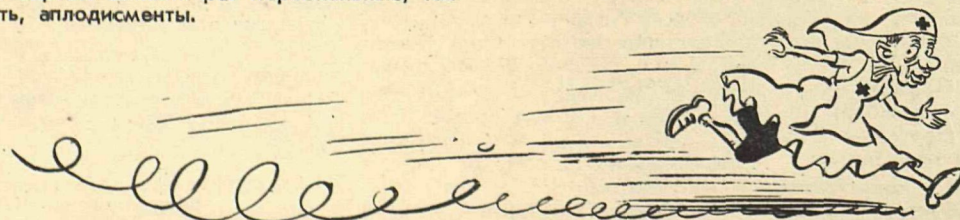
Впрочем, бог с ними, родзянками и миллюковыми! Одних уж нет, а те далеке. Поговорим лучше о самом Гане. Друг, друг, а потихоньку издевается. Удивляюсь, пишет он, памяти Керенского, который, кажется, помнит все, за исключением своего побега. Тут память ему изменяет. Он что-то говорит о «неизвестных лицах» (они не известны ему и по сей день), принесших ему «матросскую» форму и помогших ему бежать.

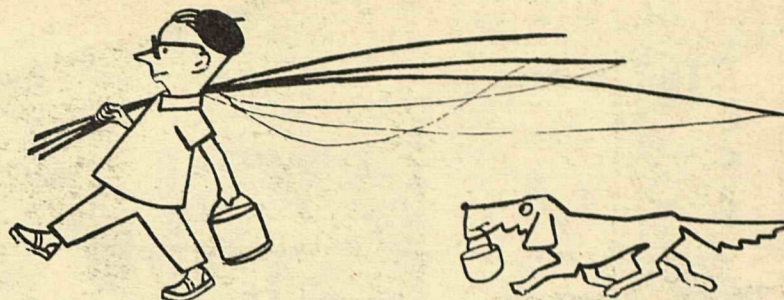
На самом деле, Александр Федорович, почему бы вам не сознаться, что бежали вы в женском платье? Я понимаю вас, неудобно: кандидат в наполеоны, и вдруг... в юбке!

И последнее. Я должен вас похвалить. Видно, сказывается возраст и вы становитесь мудрее. Пройдоху Ган задал вам коварный вопрос: долго ли, по вашему мнению, еще продержатся большевики? Вы ответили: «Это я боюсь предсказывать, я и так очень часто ошибался!»

Правильно, Александр Федорович, не предсказывайте. Не стоит. Есть полная возможность ошибиться.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Ой, рыбалка хороша!

Слова С. СМЕРНОВА.

Музыка В. ШОРИНА.

Вечер над рекою,
Вечер над рекою.
А туман как молоко.
И луну рукою,
И луну рукою
Нынче так достать легко.

Припев:

Не пристало рыбаку
Здесь валяться на боку:
Ближе к удочке, товарищ,
Все вниманье поплавку!

Быстро ночка мчится,
Быстро ночка мчится.
Погляди, встает заря.
Вот проснулись птицы,
Вот проснулись птицы.
Не теряй же время зря.

Припев.

Окуни да щуки
Лезут прямо в руки.
Подсекай, скорей тащи.
В крашеном ведерке
Ходят красноперки
И хвостами бьют лещи.

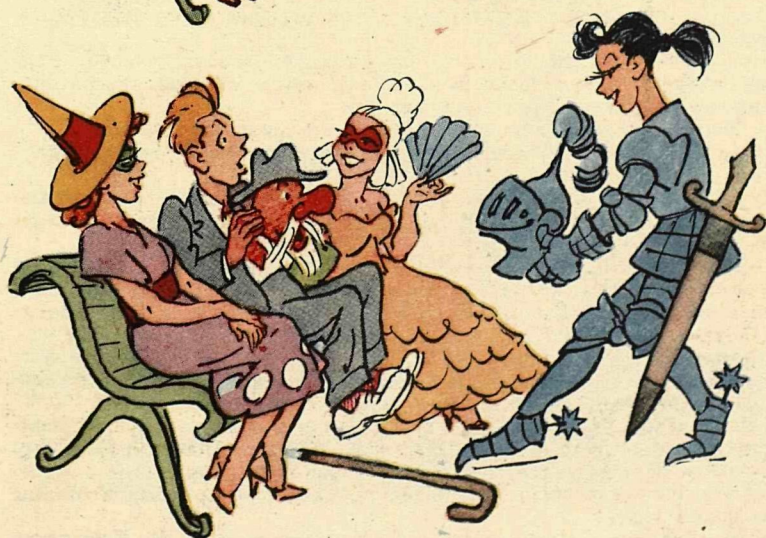
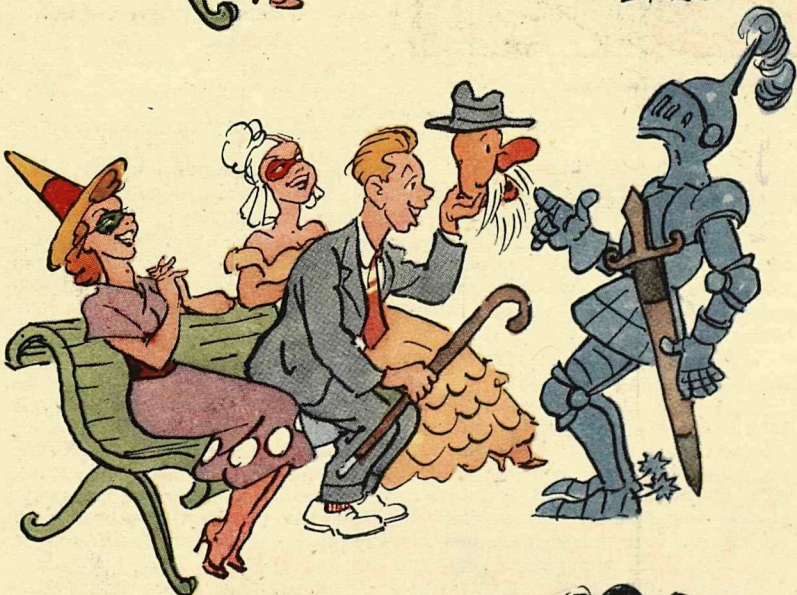
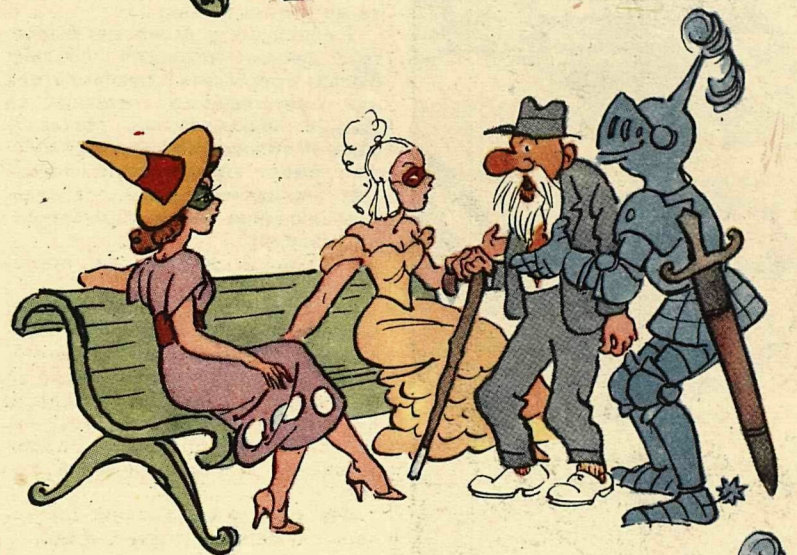
Припев.

Говорят, что рыба,
Говорят, что рыба
Понимать не может слов.
Все равно спасибо,
Все равно спасибо
За такой отличный клев.

Припев.

Вот костер дымится,
Вот костер дымится.
Стол накрыт у шалаша.
Хороша ушица,
Хороша ушица.
Ой, рыбалка хороша!

Припев.

НА КАРНАВАЛЕ.

ОЖИВЛЕННО

Вечер над рекою

mf

вечер над рекою, а туман, как молоко и луну рукою

кою и луну рукою нынче так достать легко. Не пристало рыбаку

свободно

здесь валяться на боку ближе к удочкам, товарищ, все вниманье поплавку

в темпе

медля

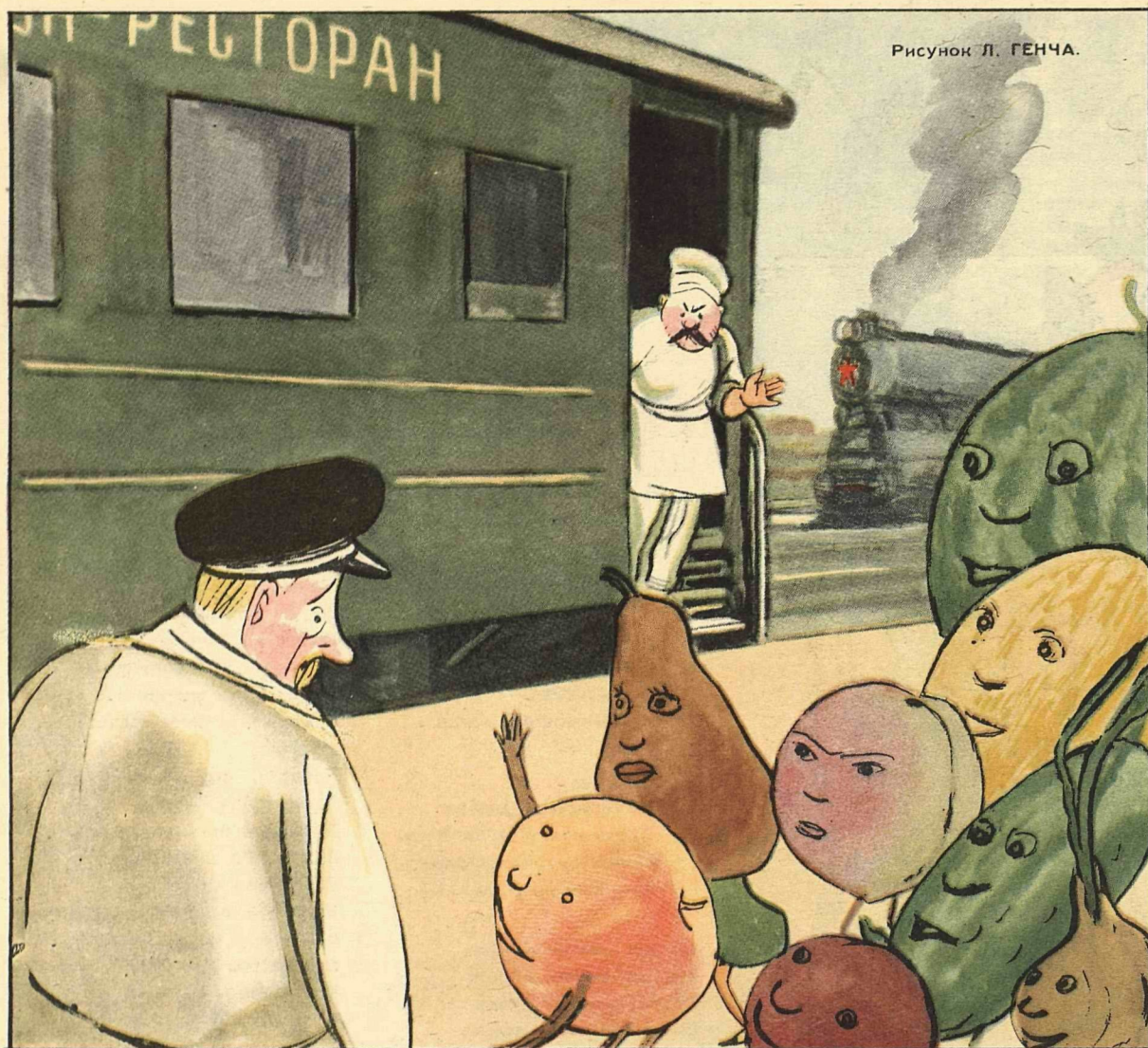

Рисунок Л. ГЕНЧА.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

Среди грамотеев

14 июня сего года начальник Калининской областной конторы «Автотэк» тов. Фролов обратился с посланием к начальнику станции Калинин. Он протестовал против штрафа, наложенного на контору за нарушение железнодорожных правил. Эта пламенная канцелярская речь была написана на официальном бланке «Автотэка» и гласила:

«Выясняя суть дела среди работников ответственных за данное нарушение, то такого момента ни кто не помнит...

Я считаю, что если это было, то... данная комиссия обязана была преглосить руководителя или ответственного товарища за данное мероприятия... составить акт... И только лишь тогда документ имеет юридическую силу...»

И так далее, в том же духе. В заключение автор торжественно заверял:

«...в предь данного не повторится».

Говорят, что эту бумажку дали прочесть одному несовершеннолетнему товарищу, оставленному на второй год в первом классе за выдающиеся неуспехи в области диктанта. Прочитав, он тут же, через голову родителей, подал заявление в педагогический совет:

«Не хочу учитьца, хочу составлять служебные документы».

— Посодействуйте, товарищ директор ресторана, в вагон попасть!..

Хозяйство у Митрича несложное: маленький ослик, тележка-двуколка да кованный сундучок с книжками. Ездит старик, словно некрасовский дядюшка Яков, продает понемногу.

Приезжает Митрич на полевой стан к трактористам. Ослик по привычке останавливается в тени вагончика и стоит, как врытый, не шевельнется. А механизаторы — народ жадный до книг. Обступят книгоношу — не протиснешься.

— Мне бы, Митрич, «Золотого теленка», — просит один.

Митрич щурит глаза с хитринкой и, улыбаясь в усы, молвит:

— Телка нет, мил человек, взрослою скотину могу предложить.

Трактористы хохочут. А продавец рекламирует свой товар:

— Эта книжца про жеребцов, эта — про нетелей. Или возьмите вот «Копытную гниль», «Стригущий лишай», «Болезни конечностей лошади», «Альтернативоз семенников»... Все для массового читателя...

— И много у тебя, Митрич, такой литературы? — спрашивают механизаторы.

— Умру — не распродам. На базе полки трещат. Начальник сельпо ругается. «Торговать, — говорит, — Митрич, не умеешь». Да разве я виноват?! Сельхозгиз сыплет, как из рога изобилия...

...Ослик засеменял ножками, и книжный возок покотился к урочищу Соколиного яра. А механизаторы присели в тени карагача и начали рассматривать литературные новинки.

Абдубакир Журунбаев листал пухлый сборник научных обследований целины и самодовольно улыбался.

— Хорошую книжку купил Абдубакир! — хвалил он себя вслух. — Тут про наш Казахстан написано.

— Читай громко, Абдубакир! — сказал тракторист Михаил Седов. — Вот эту главу читай, о травах. Растут вон полевые цветы, а как называются, не знаю.

Трактористы уселись поудобнее и притихли. Абдубакир Журунбаев начал читать:

«Из травянистой растительности преобладают типчаково-полынные ассоциации, которые встречаются в комплексе с ковылково-типчакowymi и красноковыльно-ковылковыми ассоциациями...»

— Абдубакир, дорогой, — перебил его Седов, — да ты, я вижу, читать научился. Заладил одно: ковылко-красноковылко...

— Как написано, так и читаю! — обиделся Журунбаев. — Хочешь, сам читай!

— Продолжай, продолжай, Абдубакир! — загудели механизаторы.

На каком языке?

«Луговые ассоциации, — читал Журунбаев, ломая язык, — приурочены к межгивным понижениям, а разнотравно-ковыльные степи — к гривам... Основными растительными ассоциациями Кокчетавской области являются следующие: ковыльно-разнотравная, разнотравно-ковыльная, типчаково-ковыльная, ковыльно-типчаковая, типчаковая и полынно-типчаковая».

— Ой, как погано написано! — сказал Михаил Седов и покачал головой. — Не по-русски это!

— Ты думаешь, по-казахски?! — горячо возразил Абдубакир Журунбаев. — Совсем не по-казахски!

Украинец Панас Дорошенко, приехавший на целину с Черниговщины, сидел поодаль и читал книгу по электрификации сельского хозяйства. Он увлекался электротехникой до самозабвения. Возьмет книжку в руки, — бей в набат, не оторвется. Но сегодня Панас что-то ерзал, пожимал плечами, потом подошел к товарищам и задал странный вопрос:

— Кто знает тарабарское наречие?

Трактористы молча переглянулись. А он раскрыл книгу и нараспех прочел:

«Сущность компаундирования сводится к дополнительной подпитке обмотки возбуждения возбудителя током статора генератора, выпрямленным каким-либо выпрямителем».

— Хотел узнать, — проговорил Панас, — на каком это языке?

— А кто писал твою книжку? — ответил вопросом на вопрос Абдубакир.

— Тут все помечено, — продолжал Панас. — Называется книжка «Эксплуатация сельских электроустановок». Издана в Москве, в Сельхозгизе. Автор — Е. Л. Шац.

— Вот этого Шаца и спроси! — назидательно сказал Абдубакир. — С одним легче разговаривать. А каково мне?! Мою вот эту книжку писали сорок человек. Да, да, дорогой Панас, не удивляйся, ровно четыре десятка авторов. И все больше ученые, кандидаты наук. Видишь, отпечатали в Тимирязевской академии. Название дали громкое: «Почвенно-агрономические исследования на целинных землях». Писали, говорю, сорок. Кого спрашивать станешь?!

...На полевом стане раздался гулкий удар молота о чугунный подвесок. Это возвещало конец обеденного перерыва. Трактористы разом вскочили с мест и начали расходиться к машинам. Они горько сожалели о том, что им не удалось определить: на каком же языке написаны означенные книги?

Может, редакторы этих книг А. В. Канторович и Л. М. Кобыляков помогут трактористам разрешить головоломный вопрос?

Н. ВОРОБЬЕВ

Недалеко от Воронежа жил мальчик Петя. Папа с мамой отвели его в детский сад при Елань-Коленовском сахарном комбинате. И там вместе с другими детишками он пошел гулять во двор, который заменял сад в детском саду.

Двор был очень интересный, разделенный пополам высоким забором. На половине детского сада стояли красивые гипсовые фигуры и скамейки, бил фонтан. А на другой половине двора было голо и пусто. Там находились детские ясли.

Петя подошел к дяденьке, проходившему по двору, и спросил:

— Вы не знаете, зачем тут этот гадкий забор?

Дяденька (это был председатель завкома сахарного комбината тов. Вершков) грустно ответил:

— Это не забор. Это ведомственный барьер. Понимаешь, мальчик?

— Не понимаю,— честно признался Петя.

— Чудак! — сказал предзавкома. — Детсад находится в нашем ведении. А ясли, где верещат ваши братцы и сестрички, находятся в ведении органов здравоохранения. Вот они, органы, значит, и разгородили двор ведомственным барьером, а сами не позаботились благо-

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

устроить свою половину территории. Теперь понимаешь?

— Понимаю, — подтвердил Петя и громко заревел.

Осуждать его за это не приходится: легко ли в такие юные годы натолкнуться на ведомственный барьер!

ПРО БАБУ-ЯГУ

В Тамбове это было. Жильцы дома № 67 по Советской улице порешили:

— Дом у нас большой, ребят много. Устроим для них детскую площадку!

Площадка получилась очень симпатичная. Столик с грибом, скамейки, желтый рассыпчатый песочек, а вокруг ограда, молодые деревца и кусты.

Но с некоторых пор ребята приуныли: под видом управдома Ткачевой на них ополчилась Баба-яга костяная нога. То свалит на площадке кирпич и бревна, то пуганет ни с того ни с сего:

— Пшли отсюда!

— Где же нам, тетенька, играть? — хнычут ребята.

— Хоть на помойке! — отвечает управдом. — Подождите, я вам еще покажу!

И стала срочно колдовать.

Однажды утром кинулась детвора на свою площадку, а

площадки-то и нет. Снесена. И на том месте торчит домоуправленческий сарай, который расчудесно можно было поотроить на другом месте.

Пошли родители в жилотдел жаловаться. Но там только руками развели:

— Помилуйте, как это может быть? В наш просвещенный век — и вдруг Баба-яга!

Впрочем, пообещали разобратся.

На том дело и заостенело.

О ПЛОХОМ СОСЕДСТВЕ

Витя учился в детской музыкальной школе в городе Борисоглебке. Он делал большие успехи.

Но вскоре папа и мама встревожились не на шутку: их музыкальный сын начал упреждать в разговоре нехорошие слова.

— Где ты научился так выражаться? — воскликнул возмущенный отец.

Юный пианист поглядел своими ясными голубыми глазами и ответил:

— Я научился так выражаться в музыкальной школе.

Оказывается, дверь в дверь с музыкальной школой находится ресторан. И выходящие оттуда не слишком трезвые дяденьки частенько затевают

между собой шумный разговор со всякими немелодичными словами.

Вот к чему приводит неподходящее соседство!

МАМИНА ОШИБКА

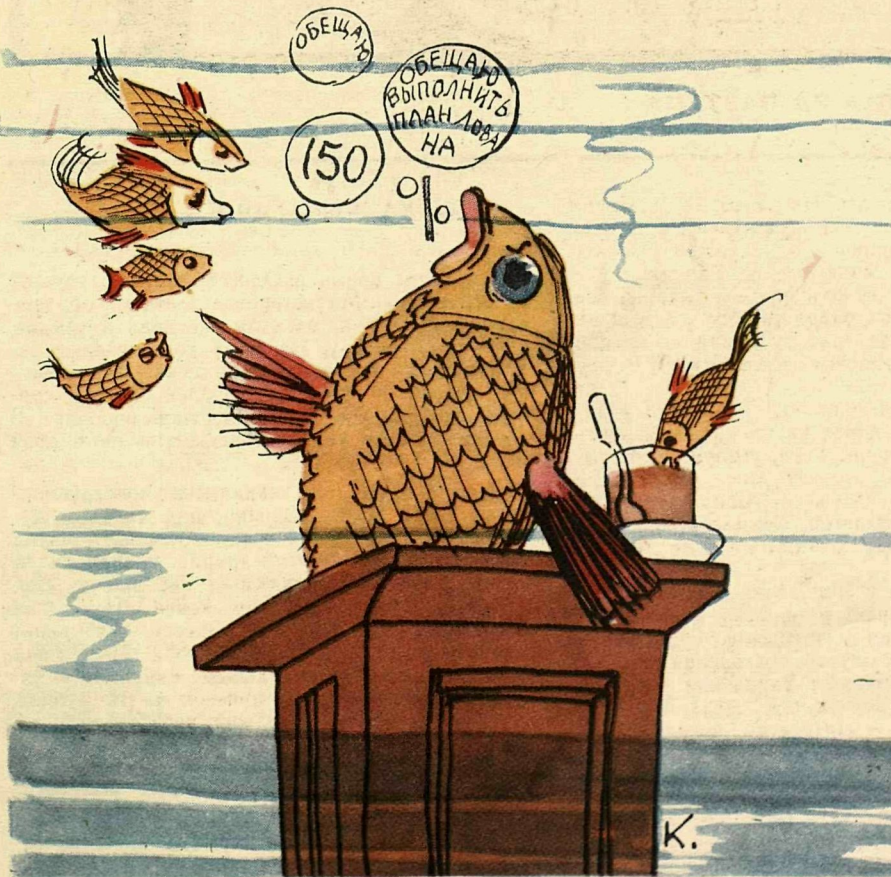
Недавно в Летнем саду в Ленинграде одна молодая мамаша стала поить сахарной водичкой младенца. И дитя, сосав малую толпиху, вдруг разинуло беззубый ротик и громко, явственно затынуло «Шумел камыш...». Тут, конечно, всеобщий переполох, стали выяснять, в чем дело. И выяснили... Оказывается, в ленинградской аптечной сети уже около трех месяцев почему-то отсутствуют детские рожки — этикие бутылочки с делениями для дозировки. Вот, значит, молодая мамаша нашла выход: купила четвертинку. Содержимое выпил папа, а мамаша, не ополоснув посудинку, налила туда воды для своего крошки.

Может быть, врут люди, не пел младенец «Камыша»? Зато остальное все верно, и претензии к аптекоуправлению вполне основательны.

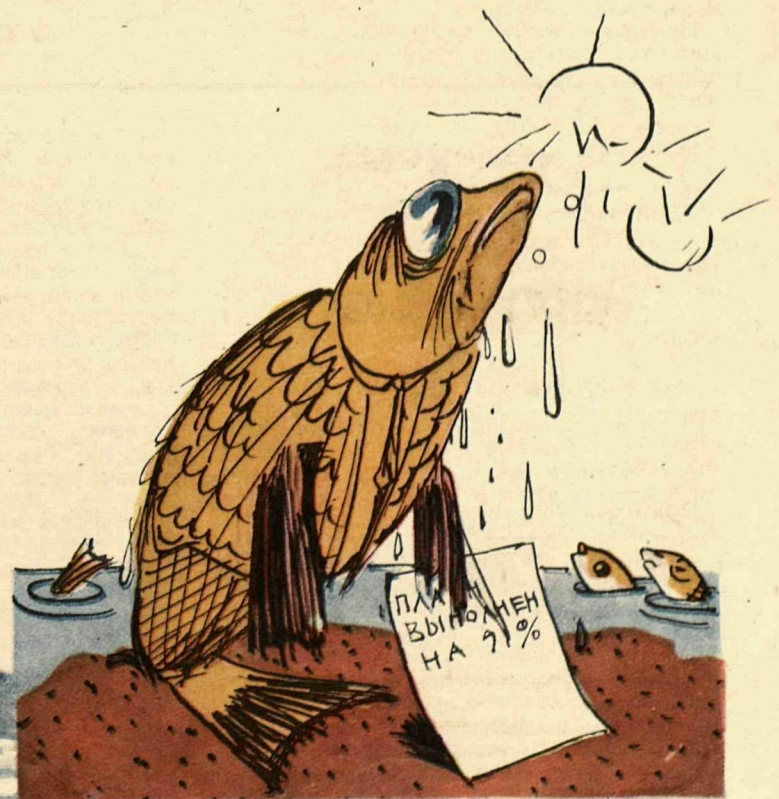
...Впрочем, мы, кажется, незаметно уклонились в сторону: начали со сказок для детей, а кончаем детскими сказками для взрослых. Но ничего! Взрослых тоже не следует обижать.

М. ЛЬВОВ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

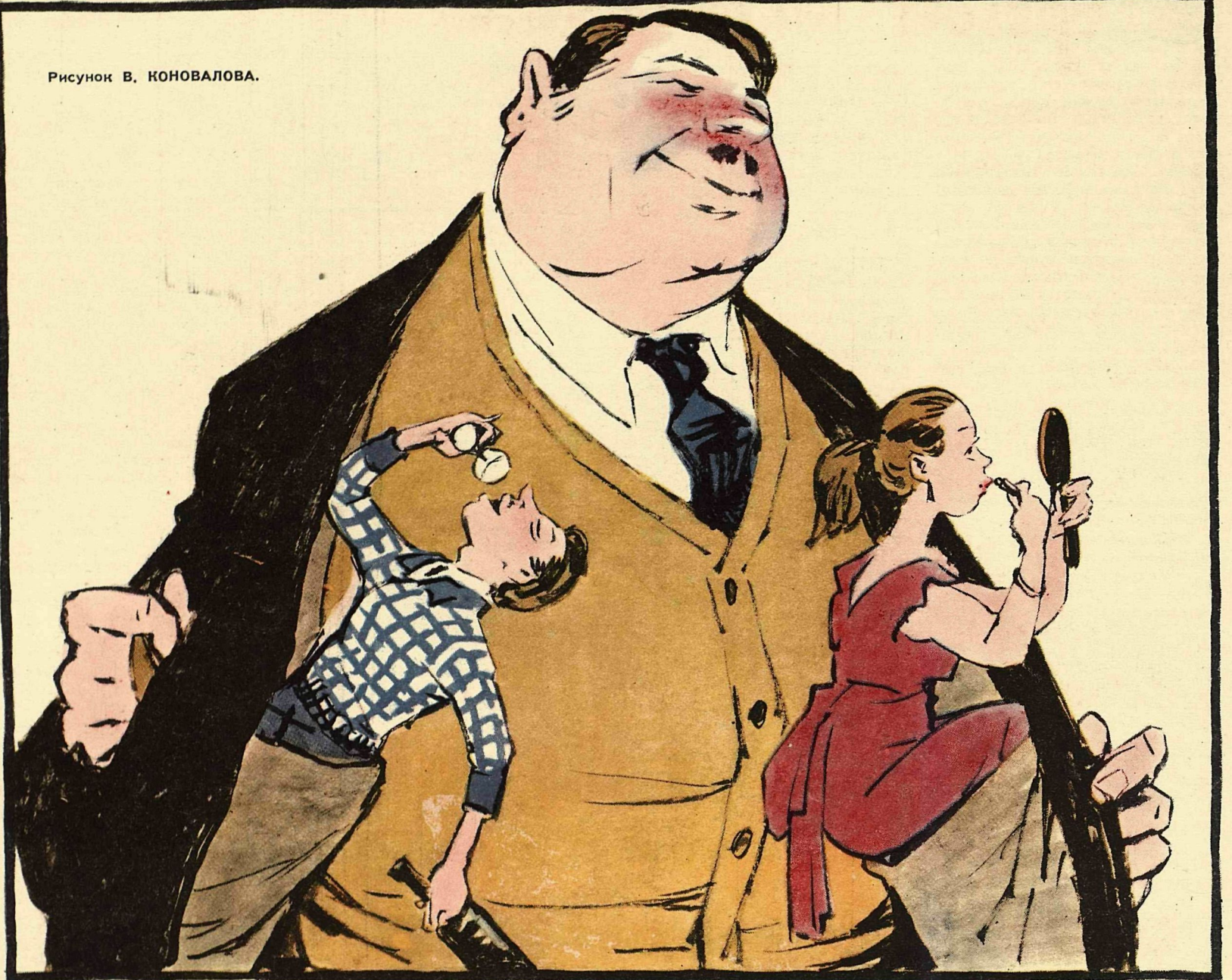

Сначала он чувствовал себя как рыба в воде...

...а затем как рыба молчал.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

У ОТЦА ЗА ПАЗУХОЙ.

ВИЛЫ В БОК**НЯНЮШКИ ИЗ ХИМЛЕСХОЗА**

Вниманию родителей трудновоспитуемых детей!

Самую терпеливую и добросердечную няню вы можете найти в Режевском химлесхозе треста «Свердловскхимлес». Там в роли няньки блестяще проявил себя директор лесхоза тов. Архипов. Хотите рекомендацию? Пожалуйста. Вот приказ № 103 от 1956 года, подписанный тов. Архиповым (печатается в сокращенном виде):

«Мастер Талицкого участка тов. Заплата Е. П. не раз замечался в выпивке спиртных напитков в рабочее время. Пьяный творил безобразия... При встрече на машине с шофером Мироновым, купив у него флягу, тов. Заплата обмыл попку, а в поселке Черемиска продолжил до потери сознания. В машину его положили в лежачем состоянии и увезли на работу.

7.VI.56 г. лично мной мастер Заплата был обнаружен на Колташах, в рабочее время вы-

пивал с конвозчиком Нагорных и завхозом Потоскуевым. Вел себя нетактично, допускал выкрики, оскорбления в адрес всего руководства химлесхоза. Явившись на Талицкий участок, продолжал нетактичность и выкрики среди домохозяек. Благодаря такому поведению в лесу не организовал работу и май месяц провалил план выполнения всего на 77,2 процента.

При назначении мастером Талицкого участка тов. Заплата давал письменное обязательство не допускать выпивки, говоря: если увидите меня пьяным, оторвите мне голову! Однако своего обязательства нарушил, причем не один раз. Спрашивается: сколько голов у Заплата, если ему отрывать после каждой пьянки?»

Установив, что у Заплата всего одна голова, добрый директор не стал ее отрывать, даже несмотря на разрешение владельца, а пригрозил, что в случае повторения безобразий он, Архипов, уволит Заплата с работы. — Так это же все было в прошлом году! — скажет читатель. — Интересно, исправился ли этот забулдыга, или он снова проштрафился и над ним все же совершили жестокий акт обезглавливания?

Ни то, ни другое. По-прежнему на нетрезвом туловище Заплата держится его хмельная голова. А терпеливая няня — директор лесхоза тов. Архипов — жалостливым взором смотрит на эту картину.

— Что с него возьмешь? Выпивши. Лежит. А лежачего, сами знаете, не бьют.

ЦЕНА ВЫЕДЕННОГО ЯИЦА

Некоторое время в Одессе гостила группа конструкторов Министерства высшего образования. Погостила, сделала все дела и уехала обратно в Москву. Но, сами того не заметив, они нанесли гостинице «Одесса» материальный ущерб в сумме 15 рублей. То ли графин разбили, то ли наволочку порвали. В общем, бывает в жизни всякое, и не в этом дело.

А дело в том, что начальник конструкторского бюро В. В. Юденич, под началом которого находились командированные, узнал об этом случае. Другой заурядный начальник дал бы своим подчиненным небольшую словесную взбучку — и делу конец. Не таков Юденич. Он снарядил в Одессу начальника конструкторского отдела Федора Ивановича Хваленкова со специальным заданием — узнать, точно ли ущерб нанесен на 15 рублей, а не на 14 или 16. А то, мол, чего доброго, надуют.

Не прошло и недели, как тов. Хваленков уже на месте происшествия точно установил, что да, именно 15 рублей, и ни копейки больше. А установив эту истину, благополучно отбыл в Москву и сообщил своему начальству о результатах расследования.

И совсем недорого обошлось это дело. Около тысячи рублей. В таких случаях говорится: «Администрация не щадит затрат».

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Знаешь ли ты, что такое адвокатское трио? Это когда три адвоката сидят за одним столом и в три голоса дают трем посетителям разные юридические советы.

Правда, приходящие к нам клиенты, которые любят слушать музыкантов, играющих в четыре руки, певческие дуэты и квартеты, не слишком жалуют юристов-вокалистов. Но что поделаешь, когда в юридической консультации всего одна комната и семь столов, за которыми одновременно работают двадцать адвокатов!

Моссовет предложил председателю исполкома Советского райсовета тов. Желтухину предоставить нам помещение. Прошло около двух лет, и в ответ на наши просьбы тов. Желтухин заявил:

«Помещения у нас нет, ищите сами, найдете, возможно, дадим. — И глубокомысленно добавил: — Не знаю, нужна ли нам адвокатура, но коль скоро она предусмотрена конституцией, с этим приходится считаться».

Стоит ли говорить, что после этой беседы в консультации продолжают звучать адвокатские трио, вызывая законные протесты трудящихся, пришедших за юридическим советом?

Адвокаты Д. НИКИТИН, А. ГИН, В. ПАВЛОВ, Л. ФЕЛЬДМАН и другие.
(Всего 17 подписей.)

гор. Москва.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Когда стирается грань между городом и деревней, это — явление, безусловно, радостное и положительное. Но иногда оно принимает и несколько неожиданные формы. Так случилось у нас с кишлаками Хаяти-нау, Новабад, Кара-боло, Ходжа-анбие-боло, Миришкор и Джар-Кишлок.

У нас, жителей этих кишлаков, грань стерлась настолько, что никто уже не может определить, принадлежим ли мы к сельской местности или к городу.

В республиканских организациях, к примеру, считают, что мы типичные горожане и должны подчиняться Сталинабадскому горисполкому. В горисполкоме же, напротив, твердо убеждены, что наша стихия — только сельская местность.

И вот уже полгода мы не можем лечиться (двери городских и сельских больниц для нас закрыты!), не можем страховать свои жизни или имущество (в страховые органы мы ни шагу!), не получаем пенсий (в какие же соборсы нам идти: в городские или сельские?). Мало того: мы не платим даже никаких налогов!..

Так что попроси, тов. Крокодил, местные власти немного повременить с таким стиранием граней и стереть противоположность своих взглядов на наши многострадальные кишлаки!

Д. МИРИШКОРСКИЙ

Сталинабадская область.

ЗДРАВСТВУЙ, ДАЛЕКИЙ ДРУГ!

Мы знаем, что сейчас в Москве жара, и поэтому посылаем тебе не горячий, а освежающий, прохладный полярный привет. У нас к тебе просьба: передай, пожалуйста, от нашего имени благодарность начальнику транспортной группы товарищу Цуцаеву за внимание и заботу. Почему мы не сделаем этого сами? Да потому, что ты скорее до него доберешься, чем он до нас. Вот тебе свежий факт.

Как-то мы узнали, что из Москвы на переподготовку станцию для нас прибыл груз: фрук-

ты и прочие вкусные вещи, а также почта. Все это товарищ Цуцаев должен был препроводить к нам на льдину. Полярники возликовали: от станции до нас всего четыре часа лету, так что очень скоро мы должны были получить драгоценный груз.

Но... полярник предполагает, а товарищ Цуцаев располагает. То ему погода не нравится, то подошла суббота — баниться надо, то воскресенье — отдых от трудов. Ну, а в понедельник — это каждый неуч знает — никакого важного дела затевать нельзя. Тем более лететь куда-то. Так прошло около двух недель.

Наконец в один из дней раздался счастливый сигнал: «Самолет в воздухе!» О радость! Мы быстро выложили посадочный знак. Самолет садится, и мы видим, что он загружен... лесоматериалами. Здоровенными такими суковатыми досками.

— Не горюйте, — бодро говорит пилот Павлов, — доски тоже в хозяйстве — вещь нужная.

— Значит, фруктов нету? Зря, выходит, ждали. А где письма?

Оказалось, что письма товарищ Цуцаев нам прислал. Но только... прошлогодние, адресованные нашим предшественникам, которые давно уже на Большой земле. А наша почта осталась у тов. Цуцаева. Но мы утешаем себя тем, что она не пропадет, товарищ Цуцаев обязательно вручит ее нашим приемникам. Вот за эту заботу мы решили через тебя поблагодарить braveго начальника группы.

Полярники О. ЗМАЧИНСКИЙ,

В. БЫКОВ, В. БОРИСКИН и другие.

Дрейфующая станция
Северный полюс-6.

Р. С. Только что мы получили телеграмму от товарища Цуцаева. Он запрашивает, можно ли реализовать наши фрукты на месте. Они, видишь ли, уже начали портиться. Верить или нет, но нас, людей суровых и видавших виды, от этой заботы и чуткости слеза умиления прошибла.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Крокодил помог

Первомайская МТС (Красноярский край) бросила в поле сельскохозяйственные машины. Об этом Крокодил рассказал в фельетоне «Снег да снег кругом» в № 5 журнала за 1957 год.

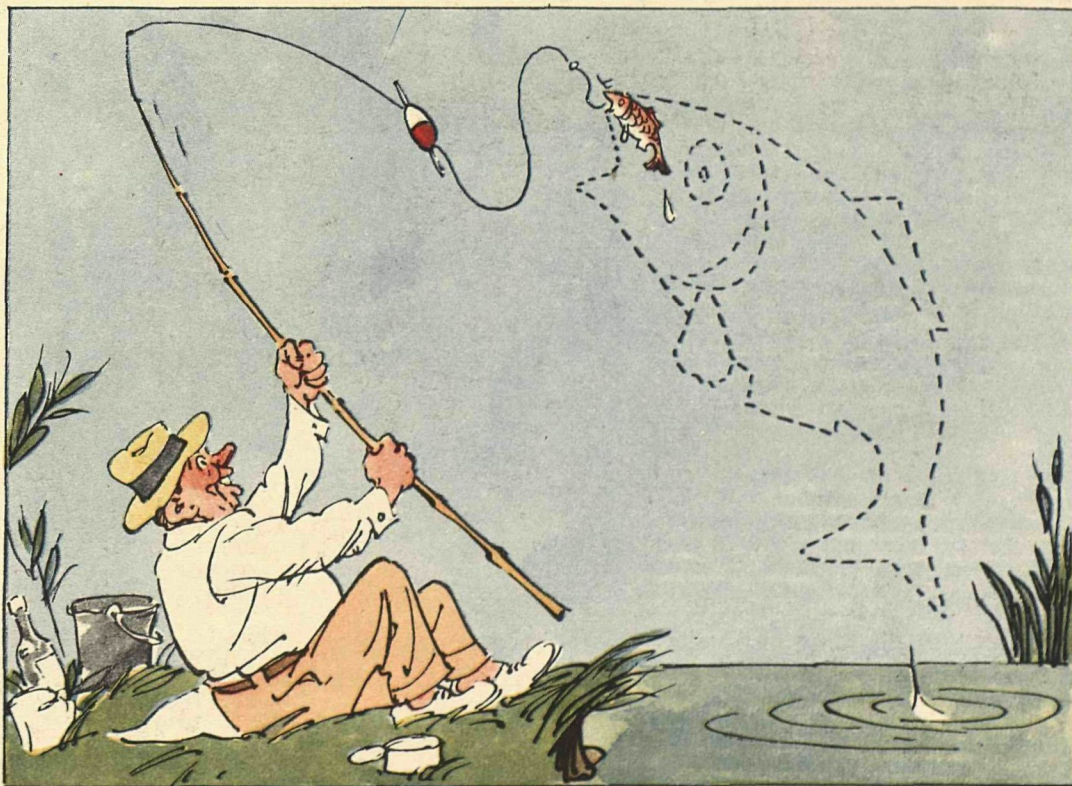
Областное управление сельского хозяйства сообщило редакции, что после опубликования фельетона машины были собраны и отремонтированы. На директора МТС тов. Письман и бывшего главного инженера тов. Зайцева за бесхозяйственность наложены взыскания.

Депутат Брянского городского Совета от Володарского района тов. Новоселов ничего не сделал для избирателей, не посещал сессии городского Совета. Об этом депутате Крокодил в № 5 поместил фельетон «Кто же ваш депутат?».

На выборах в местные Советы трудящиеся гор. Брянска не избрали тов. Новоселова депутатом. Городской Совет принял меры к благоустройству запущенного Володарского района.

Орловский строительный трест «Промстрой» на несколько лет затянул строительство жилых домов заводов «Текмаш» и имени Медведева. В № 7 журнала Крокодил поместил об этом фельетон «Орловский телевизор». В настоящее время на полное окончание строительства выделено 2 миллиона 380 тысяч рублей. Строительство технической документации обеспечено.

Решением бюро горкома КПСС главному инженеру треста «Промстрой» тов. Бессарабенко за срыв плана строительных работ объявлен выговор.

ДЛЯ УХИ И ДЛЯ РАССКАЗОВ.

главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06639. Изд. № 894. Подписано к печати 30/VII 1957 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 1959. Тираж 1 100 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40
72 АВГ
м.ш.ш.ш.

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ КАРУСЕЛЬ

(Рационализаторское предложение)

Любители канцелярской волокиты до сих пор еще не отделались от привычки гонять посетителей по инстанциям — от стола к столу, от зам-начка к замзаву, от замзаву к самзаву. Эта бесконечная процедура утомляет как самих волокитчиков (что, признаться, не очень огорчает Крокодила), так и — в особенности! — посетителя.

Учитывая интересы последнего, наш художник Иван Семенов предлагает впредь до окончательной ликвидации волокиты рационализировать ее нижеследующим образом: посетитель (смотри рисунок), не утомляя

себя хождением по инстанциям, стоит. Зато в круговом движении находится идущий, точнее, едущий, навстречу посетителю канцелярский аппарат. Эта своеобразная «бюрократическая карусель» (еще раз смотри рисунок) избавляет посетителя от изнурительного хождения по канцелярским мунам, а засидевшихся в канцеляриях волокитчиков от вредного здоровью неподвижного образа жизни.

БРИЗ КРОКОДИЛА